

Я – сын честных, благородных родителей, то есть мои деды и бабки в советское время никого не сажали, не расстреливали и не писали доносов. Напротив, они воевали или честно трудились в тылу, а затем опять трудились и жили в коммуналках, потом в «хрущевках», – да будет благословен тот, кто их придумал! – ездили на «жигулёнках» и выращивали урожаи на дачах.

Когда социализм приказал долго жить мои родители занимали твердые позиции в бюрократической системе и потом, несмотря на обрушившиеся бедствия, наша семья ничуть не пострадала в 90-е. Скорее наоборот, благодаря старым связям в мэрии и «административному ресурсу» отец и дядя скупили почти даром изрядный кусок прежде государственной недвижимости. Большую ее часть потом продали, а оставшуюся приспособили под гостиничный бизнес. Однако, чтобы управлять делом, кому-то следовало оставить госслужбу и это сделала мать. Уходить обоим в те годы значило оставить бизнес без прикрытия, которое давало высокое положение.

В 99-м я закончил школу и для меня не стояло вопроса куда идти учиться. Верной семейной традиции и здравому смыслу, я поступил в Академию «государевой» службы и пять лет спустя устроился на хорошее место в Облстат. Между прочим туда трудно пробиться и многие мои однокурсники мне завидовали. Но отцу это ничего не стоило, поскольку начальник Облстата был его давним приятелем. Мне же теперь оставалось оправдать доверие и доказать завистникам, что начальный выбор был продиктован мудростью. Ах, забыл упомянуть! Мой главный шеф – Ступин, а секретарша начальника отдела, куда меня определили – Зина. О ней будет сказано особо, поскольку в моих планах она займет особое место.

В день своего трудоустройства, когда я сидел у кадровика, он, глянув в мои документы, удивленно спросил: А вы не сын ли Павла Николаевича?

– Сын, – скромно ответил я.

– Это же надо! Слышал, слышал о нем! Значит, по стопам отца?

– Точно.

– Ну что ж, у меня больше вопросов нет и я рад, что вы будете работать у нас.

Меня приняли без сомнений и колебаний. Вот так же тень отца преследовала Гамлетта и я убедился в этом еще раз в тот же день, когда вошел в кабинет начальника отдела. Ведерников, увидя меня, тотчас встал из-за стола и поздоровался со мною за руку, что согласно неписаному правилу, слишком большая честь для новичка. Я сразу сообразил, что его известия о моем визите.

– Очень рад, очень рад, Андрей, что вы теперь в моей команде. Я ведь давний приятель вашего отца и вы можете во всем мне доверять.

Я принял его слова как искреннее пока незаслуженное расположение ко мне, как аванс, который еще надлежало отработать и сразу решил, что мне страшно повезло с шефом, что он просто хороший человек. В дальнейшем я понял, что Ведерников вовсе не однозначно хороший, но избирательно хороший, а меня он сразу зачислил в категорию людей со знаком «плюс». Однако, одного покровительства шефа в будущем мне явно было недостаточно, для карьерного роста и чтобы не набить шишек мне нужно быть в курсе всех новостей и сплетен в конторе. Для этого, говоря терминами разведки, мне нужен был надежный информатор, для чего мне следовало установить интимные отношения с молодой женщиной. Секретарша шефа, милая, изящная блондинка и болтушка подходила для этого лучше всего. Уже на третий день нашего знакомства у меня было с нею первое свидание, – разумеется «конфеты-букеты» начались в первый день, а на пятый день она заночевала у меня. Без сомнения, Зиночка стала второй надежной ступенью моей карьеры, первой была протекция моего отца, это необходимо признать.

Уже в первую ночь она посвятила меня

в подробности личной жизни многих сослуживцев и даже людей в смежных конторах, о которых я прежде и не слышал. Но я старательно «мотал на ус», полагая, что все может когда-нибудь пригодиться. Да, Зиночка умом не блистала и верно потому сплетни заменяли ей пищу духовную, что, в общем, печально, но полезно мне. И той ночью у меня возник план, которым ни в коем случае нельзя было делиться с такой болтушкой. Однако, она сразу же меня предостерегла по доброте душевной.

– Ты, Андрюша, осторожней разговаривай.

– Это как «осторожней»?

– Ты не понимаешь? У нас каждый второй стукач и все разговоры, ну... не все, а подозрительные, докладываются наверх. У нас люди говорят или по работе, или о болезнях, своем хозяйстве, покупках, отпуске, о погоде, конечно... А ты недавно политический анекдот рассказывал, а еще, говорят, анекдот про начальство. Как раз это под запретом.

– Зин, ты это все всерьез? И мой анекдот был не про наше начальство.

– Неважно, что начальство не наше. Нельзя и все! Если так продолжать будешь, ты уволят тебя за несоответствие и потом ты уже хорошей работы не найдешь.

– Ну и ну! А я понять не мог отчего все в управлении как пришибленные.

На следующий день, в субботу, я участвовал в ритуальном семейном обеде и отца, конечно же, интересовали мои дела. Он начал свои расспросы уже после трапезы, пока мать возилась на кухне.

– Чем там занимаешься, «легонькой промышленностью»? – такова его дежурная шутка для меня.

– Нашу промышленность подсократили реформы, сам знаешь, зато развелось ресторанов... Так я занимаюсь общепитом, это и проще.

– Нынче все упрощается, лучше сказать, деградирует и управлять таким хозяйством становится все проще. Зато становится сложнее строить отношения – и по вертикали и по горизонтали. Ты это понимаешь?

Я кивнул и спросил в ответ: А не связаны ли эти явления – деградация дела и усложнение иерархии?

– Я убежден, что связаны, даже больше того – одно предполагает другое.

– Поясни.

– Сам до сих пор не понимаю, но вижу, что это так. Ты вот теперь образованный – займись!

– Отец, нас этому не учили. Я вообще убедился в том, что теория говорит одно, а практика движется будто вразрез с теорией. Я сам хотел бы разобраться.

– Разберись. А главное – наладь че-

ловеческие отношения с начальством, прежде всего со Ступиным. Без этого тебе не продвинуться.

После того разговора я начал внимательно изучать потоки поступающей информации, причем не только моего отдела и чем дальше, тем больше удивлялся. Удивление вызывало уже то, что часть информации поступала лишь некоторым начальникам отделов и от них к директору. Я понял, что тут скрываются махинации, но и того, что я изучил, мне хватило, чтобы сделать революционные выводы. Опираясь на них, я намеревался сделать быструю карьеру.

Для начала я решил, что мне нужно удивить Ступина, блеснуть интеллектом и ближайший корпоратив очень для этого подходил. Как бы случайно я оказался за одним столом, да еще бок о бок, с «самим.» Он одобрительно посмотрел на меня и задал ритуальный вопрос: Осваиваетесь, Андрей Палыч?

Я кивнул.

– Может возникли проблемы?

– У меня их нет, Геннадий Николаевич, но боюсь, что они у вас.

– Поясните, – Ступин от неожиданности выронил вилку и повернулся ко мне.

– Видите ли, даже беглого взгляда на структуру подразделений Облстата достаточно, чтобы понять, что она гарантирует дублирование двух или более отделов. Некоторые отделы явно раздуты, один вовсе не нужен. В итоге Област работает крайне неэффективно, возможно, это искажает статистику, отправляемую в Москву. Я ведь не мог глубоко изучить вопрос, у меня нет доступа ко всем документам.

Пока я излагал свою критику лицо Ступина вытягивалось, а когда кончил говорить по другую сторону от себя я услышал сдержанное хихиканье. Такова была реакция Берковича, по словам Зиночки, давнего приятеля и однокашника директора, который возглавлял один из отделов. Я повернулся к нему в изумлении – Беркович сдерживая смех закрыл лицо ладонями, но тут же почувствовал руку на левом локте и вновь повернулся направо – Ступин насмешливо рассматривал меня.

– Андрей Палыч. Вы только что доказали мне, что мы были правы, взяв вас на работу.

Ваш краткий анализ точен, но вы многого не понимаете в реальной жизни. Олег Михалыч! – обратился он к Берковичу, – просветите нашего молодого коллегу. Вы не против?

– Не против.

Так началось мое знакомство с Берковичем, вероятно, самой замечательной личностью в нашей конторе. Его уроки по значению и фундаментальности я при-

равниваю к своему диплому. Практически, он показал мне наше демократическое общество изнутри, а не с парадного входа. В шутку, даже в глаза я называл его иллюзионистом, поскольку он лишил меня всех иллюзий, внушенных в Академии.

В тот вечер, едва нас покинул Ступин, как Беркович, не сходя с места и невзирая на шум и суету, взялся меня просвещать. Но в ту первую встречу моему просвещению было положено только начало и в ближайшие месяцы мы встречались регулярно в неформальной обстановке, обычно за бутылкой дорогого коньяка, которому он отдавал предпочтение. Причем коньяк всегда покупал я, что было справедливой платой за науку. Ради этой учебы я даже отменял свидания с Зиной, чем ее обижал. Узнав о наших скромных попойках, она поняла меня превратно и обозвала пьяницей, но в данном случае я не стал ее разубеждать, иначе пришлось бы сказать ей правду, а это было бы нежелательно.

Меня ошеломил взгляд Берковича на сложившуюся при Ельцине систему управления и меня поразил он сам своим философским и социологическим анализом. В дальнейшем, под напором его аргументов и эрудиции я полностью принял его взгляд. Но в тот вечер он для начала убедил меня в том, что наша система намеренно построена вопреки здравому смыслу. Помню что он говорил мне в первую нашу встречу.

Первое твое замечание, Андрей, касается дублирования работы отделов. Неужели ты думаешь, что никто этого не видит? Всё руководство знает, вплоть до московского. А причина существования дублирующего отдела такова, что сам ты не догадаешься. Очень было надо пристроить сына очень влиятельного человека, само собою, не рядовым сотрудником. А свободной должности зав отдела как на беду не было и не предвиделось. Он пришел к нам сразу после ВУЗа и сразу на отдел, который создали именно ради него! Представляешь? Честно говоря, но строго между нами, он как был в начале, так и остался дундук. Вот жена его деловая, повезло ему с нею, потому-то он не завалил работу, что она руководит. Конечно, нам пришлось пересмотреть штатное расписание, увеличить бюджет... Второе, кстати, сделать оказалось проще, чем перекроить расписание, потому как пришлось улаживать с московским начальством и вот тут его папик помог. Итак, что же после пертурбаций мы получили в «сухом остатке»? Ступин упрочил свое положение в Системе, управление увеличило финансирование, мы наладили дружественные отношения с кланом Колгуевых, то бишь с его папиком. А тот держит «хазу» в министерстве. Это, студент, дорогого стоит! Я тебе даже

скажу, что в нашем деле важнее не красивая отчетность, но теплые отношения со смежниками и начальством.

– А насчет эффективности работы я тебе потом расскажу с фактами в руках, если ты не против. Корпоратив – не лучшее время для долгих и серьезных разговоров.

Я не был против. Ночью после корпоратива Зиночка посвящала меня в тайны личной жизни тех из сотрудников других отделов, с которыми я успел познакомиться за вечер. Как обычно, был впечатлен полнотой ее осведомленности и ее неистощимой тягой к тайнам чужой жизни.

– Зинаида, скажи мне честно. Почему ты не пошла учиться как все нормальные люди?

– В наше время учатся ненормальные.

– Ха-ха-ха! Это ты про меня тоже?

– Да про всех вас. Только при советской власти образование помогало выйти замуж как нужно, устроиться в жизни... А теперь образованные на толкучке торгуют, да бомбилами работают.

– И когда ты это поняла?

– Да в школе еще. Помнишь, были такие сериалы о бандитах и проститутках? Вот тогда я и решила, хотя мать уже годы меня пилит, что учиться не пойду.

– Ну, хорошо. Вот сейчас ты секретарь, а дальше что? Какая ждёт тебя карьера?.

– Конечно, не такая как у тебя с твоим папой! Но я реально могу со временем стать завхозом, значит замом самого!

– Да ну! Врёшь!

– Издеваешься?

– Прикальываюсь. Тогда насчет замужа как? Ты ведь уже пять лет в управлении и не получается. Прокोल!

– Так где же в наше время найти хорошего мужа бедной девушке? Нормальные мужчины подходящего возраста все разобраны. А кто остается? – голубые, пьяницы, да придурки всякие. Или совсем старые.

– Многие всё же выходят замуж...

– Какие выходят, знаешь? У которых родители богатые. Да с положением. Здесь ведь как на рынке – тоже торговля, а мы, девушки, значит, товар.

– Ну, ты даешь, Зина! Да ты настоящий философ жизни!

– А ты думал, я дура ущербная? Я просто соответствую своему месту, так проще. А даю я тебе, Андрюша, за то, что ты красавчик и просто хороший парень, а ещё от безысходности... Может я никогда замуж не выйду. А бабий век короток – хоть будет что вспомнить!

После этого разговора я заново открыл для себя Зину и почувствовал к ней уважение и признательность. И ещё мне стало стыдно за себя – я откровенно её использовал, а она даже не претендовала на меня, ведь на рынке невест цена ей невысокая.

Тем временем я проходил курс практической социологии у «профессора» Берковича, являясь к нему в субботу или воскресенье с неизменным коньяком.

— Есть классический эксперимент, Андрюша. Его проводили еще давно в некоем НИИ. Целью поставили доказать, что все НИИ недогружены работой минимум в три раза. До эксперимента было отмечено, что люди в течение смены болтаются по коридорам, много курят, болтают, посещают магазины и кафе рядом. Для начала сократили штат на треть при прежнем плане работы. План выполнили и люди стали бездельничать заметно меньше. Потом под благовидным предлогом штат сократили на вторую треть и план опять был выполнен, но и безделье совсем прекратилось. Что показал эксперимент? Он показал, что нужно таким же образом сократить штаты всех остальных НИИ. Еще он указал на необходимость прагматического подхода в оценке работы работников умственного труда, неважно что это — НИИ или чиновная структура. Заметь, прагматического, то бишь делового. Но когда демократы заново выстраивали систему управления после прихода к власти, они не исходили из полезного результата. Скажу тебе, Андрюша, предельно откровенно — они выстроили Систему на другом противоположном принципе, который посчитали для себя самым важным. Это принцип верноподданничества.

— Верноподданничества? Но это же феодализм!

— Именно феодализм! Вот ты удивляешься почему я такой ярый критик системы, а веду себя смиренно и не бунтую, что было бы логично. Более того, я хорошо лажу с Системой. У меня, скажу я тебе, всего пять чувств и все верноподданнические. Разумеется, с наружной стороны. Советую и тебе принять эту линию — так ты легко впишешься в Систему. А я, между прочим, помню еще советскую Систему — она работала на том же принципе и потому была так же неэффективна и неповоротлива. Другую она и быть не могла, поскольку вся была политизирована.

— Мне в Академии ничего такого не говорили, даже намеками. Зато мы изучали теорию управления и разбирали эффективные и неэффективные схемы и способы управления. То, что вы, Олег Михалыч, говорите, полностью отрицает теорию...

— А ты, студент, думал, что мы все живем согласно просчитанным теориям? Двадцать первый век! Космические корабли бороздят просторы... ля-ля, фа-фа... Ха-ха-ха!

— Но вернемся к тому как работает принцип на трех уровнях управления — уровень целой системы, уровень конкретной

организации, такой как наша, и уровень личности. О первом уровне я уже говорил, второй уровень до предела, до абсурда развили япошки. Ну, я говорю про гимны фирм, зарядки на работе и общие трапезы, состязания, а также фирменный стаж. Тут все понятно, потому остановимся на уровне личной преданности, которая предполагает приоритет не должностных обязанностей, но указаний шефа.

— Это потому у нас каждый второй стукач?

— Да, и это в том числе. Пойми, в обществе важны не только отношения собственности, как говорит политэкономия, но и традиции. Наша система сохранила худшие советские традиции — отсутствие обратной связи и полная самоизоляция бюрократии, громадный имущественный разрыв, — иногда в десятки раз! — между управленцами и управляемой массой. А также неподсудность чиновников. Следствием этих причин стало превращение нашей бюрократии, — заметь, что не во всех странах такое произошло! — в неприкосновенную государственную ОПГ.

— Вы, конечно, намеренно преувеличиваете, Олег Михалыч, — неуверенно возразил я.

— Нисколько я не преувеличиваю, студент. Скорее, я смягчаю весь ужас нашего положения, поскольку указываю только на основное зло, не раскрывая сопутствующего. Сейчас я всего на одном примере объясню тебе всю гниль Системы. Я возьму для анализа наши «мертвые души», госпредприятия, которые существуют только на бумаге, поскольку были развалены еще в 90-е. Но непонятно почему, хотя это можно объяснить, они получают финансирование из центра. Ты что, этого не знаешь?

— Нет.

— Так слушай и учись, студент. Если платежи на содержание аппарата управления регулярно поступают для «мертвых душ», то кому они достаются?

— Это значит, что Облстат получает свой кусок пирога. И как его делят?

— Скажу тебе, Андрюша, по секрету, строго между нами. Все начальники отделов получают двойную зарплату, неофициально. А уж сколько имеет Ступин знает лишь он сам. «Черная бухгалтерия у нас существует со сталинских времен и демократы ее не отменили, скорее, наоборот...

— Ну, это мне известно.

— Ты о том слышал, а я этой стряпней полжизни занимаюсь, по должности. Как говорится, незвался груздем... И мне это всё обрыдло, несмотря на верность Системе. Но главное в том, что это делается не только у нас, в управлении, в городе, но по всей стране! Я неоднократно проверял. Система наша работает не на созидание,

она работает на разрушение управляемого объекта, то есть рубит сук, на котором сидит.

Услышав это заключение Берковича, я остолбенел, поскольку для меня это было страшным открытием. Какие там, к черту, нацпроекты, инновационная экономика, Сколково и прочее? Кругом фиглярство, ужас и позор! Основной целью постсоветской России является благоденствие чиновников. Но эту правду никто открыто, с высокой трибуны не объявит просто потому, что она беспощадна, слишком невероятна и глупцы, даже услышав, ей не поверят. Потому закон Системы – скрывать любую правду о себе, поскольку вся эта правда её разоблачает.

Тут Беркович рассмеялся коротко и зло, хотя нам обоим было совсем невесело.

– А тебе, Андрюша, я посоветую делать карьеру в этой клоаке, потому как кроме карьеры у нас делать нечего. Учитывая твой возраст, а также то, что ты холостой, это проще всего сделать, породнившись с начальством. Да, да, мы уже вступили в новый феодализм и вопросы родства и благородства вновь выступают на первое место. Кстати, у Ступина есть дочь двадцати лет. Скажу честно – шалава и стерва. Но у нее есть подружки ее круга. Возможно, среди них ты найдешь нормальную... Тебе было бы полезно попасть на приемы к Ступину ради такого знакомства, но в том и состоит главная трудность. Как старый интриган я подскажу тебе верный способ как это сделать. Может быть единственный. Тебе надо близко сойтись с его секретаршей, Софьей.

– Софьей Андреевной?

– Да, да, с нею. Я понимаю, она намного старше, ей тридцать семь, но она одинока и потому, конечно же, страдает. Знай, что она фактически решает в управлении неслужебные вопросы. А причина простая. Когда-то, еще лет, может, пять назад, она была постоянной и верной любовницей Ступина. Она посвятила ему лучшие годы, что совершенно нелогично в ее положении. Она пожертвовала собою и он это понимает.

– А теперь что?

– Повторяю тебе – это в прошлом, а в настоящее время у нее сильная неформальная власть в нашей конторе и многие это понимают, даже твоя Зина.

– И что я Зине скажу?

– А ты не говори. Когда мужик идет налево, то всегда предполагает короткий, бурный роман, хотя иногда дело заканчивается разводом. То, что Соня одинока и страдает я знаю точно – она часто прибегает к антидепрессантам и снотворному. Я также знаю, что у нее никого нет, живёт вдвоем с собачкой. Тебе остаётся только придумать как к ней подкатить.

После этого разговора я точно знал что мне делать дальше и в чем будет состоять моя очередная ступенька. Случай помог мне осуществить мой план. Уже проработав более года в конторе, в сентябре я выходил из здания, направляясь домой, когда хлынул настоящий ливень. Я раскрыл зонт и шагнул на улицу. И тут мимо меня вниз по лестнице пробежала женщина, но на последней ступеньке вдруг подвернула ногу, нагнулась и подобрала оторванный каблук. Она торопилась, поскольку была без зонта, но теперь на нее лился дождь, она обернулась ко мне с отчаянием на лице и тут я ее узнал – то была Софья. Я мигом вспомнил про свой план и внутренне возликовал счастливому случаю. Я поспешил к ней, прикрыл ее зонтом. Подал ей руку и проводил до машины. Она явно хромила. У открытой дверцы я спросил ее: Вы сейчас домой, Софья Андреевна?

– А куда же еще теперь?

– В таком случае я могу еще раз прикрыть вас зонтом, проводить до подъезда.

– Хорошо, садитесь.

Мы ехали молча вплоть до самого подъезда и лишь остановившись она с улыбкой промолвила: Тогда уж зайдите ко мне, Андрей. Я просто обязана угостить вас кофе.

После кофе последовало вино в изрядном количестве, попутно я узнал много ценного о нашем и чужом начальстве. Потом мы, уже пьяные, незаметно перешли на «ты» и дело, к моему удовольствию, завершилось в постели. Ожидая встретить что-то заурядное, я был крайне удивлен. Но недаром про опытных женщин говорят, что они как старое вино – то была ночь открытий, взрыва и натиска. Потом, размышляя над тем, я понял, что именно это было естественно для такой как она и в её положении.

К счастью, свидание с Зиной у меня было запланировано на следующий день, но уже ночью я почувствовал, что прямо завтра не смогу ее удовлетворить. Я понял, что попал и теперь должен выкручиваться, но в этом случае нужно выбрать правильный приоритет. К Софье я пошел «налево», а с Зиной намерен сохранять долгие отношения, из них двоих именно ее не стоило обижать. От Сони я узнал, что назавтра контора с инспекционной поездкой отправляет человека в райцентр, но пока не решили кого послать и я тут же предложил себя, в основном затем, чтобы отложить встречу с Зиной.

– Зачем тебе это? – мгновенно среагировала она.

– Мне нужно расти, как ты думаешь?

– Тогда ты поедешь, я обещаю.

– Когда начало командировки?

– Завтра – послезавтра.

– Лучшее завтра, хотелось бы вечером в пятницу вернуться.

– И сразу ко мне.

– Ха-ха-ха! Согласен. Тогда утром я заеду к себе за чемоданом, а потом прямо к шефу за бумагами.

– Договорились.

– Уезжая в командировку я подвел сальдо. Итак, я стал еще ближе к цели – я уже на третьей ступени карьеры. Этой ступенью, если быть откровенным, опять стала женщина. Однако, я никогда не считал себя половым гигантом и даже не собирался им быть, а теперь у меня уже две любовницы и теперь мне придется выкручиваться.

– Вернувшись из поездки я заночевал у Софьи, как обещал, но через два дня встретился с Зиной, поскольку она уже начала обижаться, подозревать. Мне пришлось позаботиться о том, чтобы выдержать высокие нагрузки. Я пересмотрел питание, обратился к восточной медицине, изучил нужные точки иглоукалывания. Но встречаться с Зиной я стал теперь не более двух раз в неделю и это ее обижало. Я объяснил это простатитом, что было правдоподобно, но в итоге она принялась энергично искать мне врача и мне опять пришлось врать, что я уже лечусь.

– Тем временем Софья устраивала мои дела. Во-первых, я уже регулярно инспектировал подшефные организации, что резко повысило мой статус, не требуя при этой особых усилий и умений. Беркович просветил меня и научил что должен знать и делать инспектор и этого мне хватило. Во-вторых, Софья пару раз принесла мне приглашения на приемы к Ступину, где я был принят и представлен его дочери с подругами. Теперь всё зависело от меня, но сразу возникли сложности с дочуркой. Она полностью соответствовала характеристике Берковича и потому мне пришлось сразу занять оборонительную позицию, поскольку дочурка положила на меня глаз. Я изучал ее подруг и вскоре остановил выбор на одной из них, о чем потом ни разу не пожалел.

– Однако, Оксана, дочь Ступина, в первую же встречу потребовала у меня номер телефона и уже со следующего дня принялась изводить меня звонками, приглашая то в один клуб, то в другой. Я вежливо ответил ей, что категорически против клубов, что истинная правда. Тогда спустя неделю она предложила сопровождать ее в турпоездке на Новый год и мне пришлось решительно ей отказать – ведь я уже встречался с ее подругой Дашей. Отказ получился явно недружелюбный и потому я ожидал санкций от самого Ступина. Они последовали – меня больше не приглашали, но я уже и сам туда не стремился. Я уже стоял на следующей, четвертой ступеньке

и ею опять была женщина. Я, без сомнения, уже получил Дашу, единственную дочь богатой семьи. Ее отец крупный чиновник и зам. губернатора, но самое важное в самой Даше.

– Встретить такую в наше время – редкая удача. Пару раз в неделю я гулял с нею, разговаривал, бывал в театрах и на концертах, прекратив ради этого встречаться с Берковичем, поскольку теперь все мои вечера были заняты не с одной так с другой.

– Я не тасил её в постель, хотя она бы не отказала в силу характера. К концу второго месяца я остановил свой выбор на ней и теперь мне нужно было сбросить хотя бы одну из любовниц, хотя это было мне тошно. Я должен был расстаться с Соней, как это было задумано сразу.

– На очередной встрече с нею она удивилась отчего дочь Ступина категорически не хочет меня приглашать на приемы. Я изложил ей все как есть, естественно, умолчав о Дарье и наших отношениях.

– Понимаю тебя. Но ради карьеры ты мог бы затеять с нею роман... Я бы тебе это простила, я понимаю.

– А потом шеф заставит меня чин чином на ней жениться... Этого я не могу себе позволить. Жениться на ней можно лишь затем, чтобы через год – другой развестись или на всю жизнь стать подкаблучником.

Она промолчала, а утром я заявил ей, щадя ее как только мог, что наш роман закончен, но я хотел бы, чтобы мы стали друзьями, что для вражды у нас нет причин. Она опять промолчала, сдержалась. Но впоследствии, несмотря на холодность меж нами, мы остались друзьями. Софья не простила мне разрыва, но и не забыла того хорошего, что было.

Так я разрушил один треугольник, чтобы сразу вслед за тем выстроить новый – я сделал предложение Дарье и она без колебаний согласилась. Сразу же на другой день я был приглашен на «смотрины» к ее родителям и высочайше утвержден как жених. Теперь уже Даша тасила меня в постель, поскольку пали последние запреты и сомнения. Мы это сделали тою же ночью и я не был разочарован.

И вот после двухмесячного перерыва я с коньяком, как обычно, в субботу явился к Берковичу. Ничего не скрывая, я изложил ему все мои тактические шаги и все, чего я добился.

– Ба! Да ты теперь жених! За это надо выпить! – с этими словами он наполнил рюмки.

– Софью жалко, – сокрушался я. – Хорошая баба пропадает. Меня на троих не хватит, а после нее никого больше не нуж-

но. И потом она все равно узнает про Дашу.

– Обязательно! У Ступина регулярно бывает. С дочкой его видится.

– Олег Михалыч, боюсь я, что Оксана начнет мстить Даше.

– Не бойся, за это отец ей всыплет как маленькой, по пухлой заднице. Ему не нужны распри с облдминистрацией. Ведь так?

– Так.

– А Зину не бросай. Девка сердечная, верная. Я уверен, что она простит тебе женитьбу, ведь это нормально. Она согласится стать запасной, ей просто некуда деться.

– Я и сам так думаю. Вот только как мне с нею встречаться после свадьбы? Ведь каждый день я должен буду возвращаться домой в определенное время.

– Андруша, тебе нужно почитать классиков. На эту тему накоплен богатый мировой опыт. Я подскажу тебе вот что – стань охотником или рыбаком. Это хорошее прикрытие. А сам тем временем с нею в загородном доме... А рыбу тебе будет ловить кто-нибудь другой для прикрытия, договоришься... А ты помнишь как полтора года назад хотел выдвинуться при помощи мозгов? Сделал структурный анализ... Если бы не давнее знакомство с твоим отцом, Ступин уволил бы тебя еще тогда, за несоответствие – самый подходящий предлог. Мораль сей басни такова: сделать карьеру с помощью одних мозгов в наше время невозможно, это просто тупая, вредная идея. Я недаром тебе говорю: мы возвращаемся к обновленному феодализму и всё решают родственные связи и постельные интрижки. Во втором ты уже сам убедился. Сам посуди, теперь ты почти принят в «благородное» сословие, не за светлую голову, а ... – Ха-ха-ха! – за другой орган. Ты уже обеспечил себе карьеру и испортить все может только глупость или несчастье. Нельзя сказать, что системе не нужны умники. Они необходимы на высшем уровне, причем прикормленные и послушные. Но на низшем уровне, нашем, умники могут быть даже опасны. А потому никто у нас и не блистает. Но в целом интеллект низко пал в связи с тем, что уже второе поколение сдаёт ЕГЭ и потом с пустыми головами приходят к нам. ЕГЭ – это основание и гарантия массового невежества и тупости. Им нужны тупые, безынициативные исполнители. Их расставляют сплошь на низшем уровне и в значительной мере на среднем. И они успешно разваливают любое дело просто потому, что иначе неспособны – они тупые и ленивые. Благодаря им Система низкоэффективна, раздута и неповоротлива.

– Есть другой, противоположный вариант развития, низкозатратный и высокоэффективный, который заранее отвергается,

поскольку он сразу высветит всё уродство нашей Системы. И многие шишки тогда полетят... Два варианта отличаются друг от друга прежде всего критериями оценки и подбора кадров. Требования альтернативного варианта к кадрам совершенно другие – профессионализм и порядочность. Кстати, китайцы выстроили систему по второму варианту и публично казнят зарвавшихся чиновников. У нас этого никогда не будет. Наш чиновник в любом случае останется жив и украденное у него не отберут. Вот почему китайцы впереди планеты всей, а не потому, что у них по четыре руки. Ха-ха-ха!

– 2006-й год стал поворотным для Системы. У меня есть основание так думать – именно тогда в разы были увеличены оклады чиновникам, в том числе ментовским и судейским. В тот год Система открыто объявила всем, кто способен это понять, о своей благонадежности, то есть затратности и малоэффективности. Но остается вопрос: кто был инициатором этого настоящего переворота и кому он выгоден? У меня есть догадки. Но я помолчу, хочу, чтобы ты сам подумал. Но если в двух словах характеризовать Систему, то скажу так – это новый Левиафан.

На какое-то время повисло молчание, мы задумавшись выпили, закусили. Я смотрел на своего старшего друга и удивлялся ему – передо мною живой парадокс!

– Что же вы, Олег Михалыч, презирая Систему, ей служите?

– А ты не понимаешь?

– Догадываюсь. Но хотелось бы знать точно.

– Тогда слушай правду-матку. В этой жизни у человека по большому счету есть только две роли – либо он играет, либо им играют другие. Если я уйду из конторы, то в итоге мною, неважно кто, будут играть. А это меня совсем не устраивает.

– А я думал, что вы метите на место Ступина...

– Ха-ха-ха! Мы одноклассники, нам и на пенсию вместе. Помнишь, я тебе говорил про молодого начальника отдела?

– Назаренко.

– Да, про него. У него папик там, – Беркович ткнул пальцем вверх. – Он скорее всего и займёт кресло, что доказывает еще раз правило, что на низшем уровне Системы мозги уже не нужны. А тебе надо жениться, обратного хода нет. Иначе ее папа тебе кислород перекроет.

– Я женюсь, это решено.

Во время очередной любовной встречи с Дашей мы условились посетить моих родителей – согласно бонтону пора было представить им мою невесту. Родители были удивлены и рады, в особенности узнав кто ее родители. Потом, наедине

со мною отец потрепал меня по плечу: Ты попал в десятку – и жену хорошую нашел и карьеру себе обеспечил. В тот же день Дарья с грустью сообщила мне, что ее бывшая подруга порвала с нею отношения и распространяет о ней грязные сплетни. Все шло по сценарию, предсказанному Берковичем и я решил обязательно пригласить его на свадьбу. А на следующий же день, в воскресенье, я с утра явился к Зине. Она была рада, но вместе с тем грустна, она чувствовала, что я от нее ускользаю. Я был с нею до вечера и только тогда объявил о помолвке, выдержал сцену и заверил ее в своей дружбе и признательности.

– И теперь ты предлагаешь дружбу?

– Но ведь до сих пор мы дружили, – несмело ответил я.

– Только не называй это дружбой!

– Хорошо, не буду. Но я хочу, чтобы между нами все осталось по-прежнему. Ты мне дорога.

В конце концов, через неделю Зина согласилась – ведь умом она понимала, что я делал успешную карьеру и лучше быть на моей стороне. Тем более, что карьера и ей была нужна. Таким образом выстроился новый треугольник, а вскоре случилась моя свадьба и Беркович был на ней дорогим гостем. Всего через полгода я стал начальником отдела, где работал, поскольку мой шеф ушел на пенсию. Естественно, что Зина осталась при мне секретаршей, что было очень удобно. А еще через год тесть сообщил мне, что после ухода Ступина, моя кандидатура на его место основная. Но я не собираюсь останавливаться на этом, ведь я постиг законы Системы.